

УДК 821.512.157

*С. Е. Карманова (Ноева)***«Город на костях»: Якутск как экзистенциальный порог в якутской прозе XX в.**

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия

Аннотация. Актуальность данной статьи продиктована необходимостью исследования культурного ландшафта Якутска на художественном материале якутской прозы XX в. как сегмента, в пределах которого наиболее ярко раскрывается уникальное качество национального мира. В связи с этим научная новизна статьи очевидна: она состоит в необходимости осмысления якутского городского текста как смысловой структуры, которая проявляется в константности образов, универсалий, обладающих культурно-исторической, ментальной общностью. Исследование одного из интересных аспектов якутского городского текста, модели гео-пространства «города на костях», не получило по сей день детальной разработки в якутском литературоведении. Концептуально данная работа опирается на научные взгляды о локальных текстах, которые по своей сути понимаются намного шире городских, предполагая помимо городского текста также включение и «аласного» текста, и лиминального хронотопа, создающих художественные модели пространства, дополняющих и примыкающих друг к другу в едином якутском тексте. В контексте заявленной темы новой смысловой активностью является изучение образа романного героя, сознание которого чрезвычайно отзывчиво к модификациям окружающего ландшафта. Авторская позиция продиктована актуализацией категории инаковости в художественном тексте, раскрывающей проблему самоидентификации человека в огромном урбанистическом пространстве, которое предстало в качестве апокалиптического начала в якутском мире. Особую, претендующую на новизну, трактовку получает в контексте данной статьи категория перевернутости, обосновывающая художественную организацию всего якутского мира, а точнее зеркальных положений города и аласа, композиционно-сюжетную основу произведений, весь спектр национально-поэтической образности. Учитывая ограниченный объем статейной публикации, понятие перевернутости рассматривается в пределах данной статьи в отношении амбивалентных образов пространства.

Ключевые слова: якутский городской текст, «город на костях», перевернутый мир, уличная топология, экзистенциальная грань.

DOI 10.25587/o3456-1610-9872-h

КАРМАНОВА (Ноева) Саргылана Еремеевна – к. филол. н., н. с. Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: nosaer37@yandex.ru

KARMANOVA (Noeva) Sargylana Eremeevna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North.

S. E. Karmanova (Noeva)

«City on bones»: Yakutsk as an existential threshold in Yakut prose of the 20th century

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakutsk, Russia

Abstract. The relevance of this article is dictated by the need to study the cultural landscape of Yakutsk on the artistic material of Yakut prose of the twentieth century as a segment within which the unique quality of the national world is most clearly revealed. In this regard, the scientific novelty of the article is obvious: it consists in the need to understand the Yakut city text as a semantic structure, which is manifested in the constancy of images, universals that have a cultural-historical, mental community and United in a single model of «City on bones», which has not received detailed development in Yakut literary studies to this day. Conceptually, this work is based on scientific views about local texts, which are inherently understood much more widely than urban texts, assuming that in addition to the urban text, both the «alas» text and the liminal chronotope are included, creating artistic models of space that complement and adjoin each other in a single Yakut text. In the context of the stated theme, a new semantic activity is filled with the study of the image of the novel hero, whose consciousness is extremely responsive to modifications of the surrounding landscape. The author's position is dictated by the actualization of the category of Otherness in the literary text, which reveals the problem of self-identification of a person in a huge urban space, which appeared as an apocalyptic beginning in the Yakut world. In the context of this article, the category of inversion that justifies the artistic organization of the entire Yakut world, or rather the mirror positions of the city and alas, the compositional and plot basis of works, and the entire spectrum of national poetic imagery, receives a special interpretation that claims to be new. Given the limited scope of the article publication, the concept of inversion is considered within this article in relation to ambivalent images of space.

Keywords: Yakut city text, city of bones, the upside down world, street topology, the existential brink.

Введение

Интерес к исследованию локальных текстов, а именно городских текстов и запечатленного в них образа города возник еще в 70-е-80-е гг. XX в., когда в 1984 г. В. Н. Топоров вводит в научный обиход понятие «петербургский текст». Его работа «Петербургский текст русской литературы», подход к анализу легли в основу дальнейших исследований городских текстов. На сегодняшнее время в изучении провинциальных текстов русской культуры выделяются исследования по семантике городской среды (Пермь – у В. В. Абашева, Шадринск – у Н. Ю. Детковой, Петрозаводск – у И. А. Разумовой, Челябинск – у Е. В. Милюковой и др.) [1-4], также локальные тексты оренбургского, крымского, калининградского, северного и др. пространств, в каждом из которых достаточно конкретно определяются принципы анализа локального текста как уникальной художественной системы, смыслового целого, аккумулирующего в себе особенности геокультурных характеристик данных территорий.

По отношению к якутской литературе можно говорить о возможности использования понятия «городского» текста, что подтверждается активной дифференциацией художественных элементов, складывающихся в единый текст и образующих целостные культурные коды, которые активно вовлечены в критерии выделения этого особого геопространства.

Нужно отметить, что в исследовании городских текстов стоит обратиться к основным характеристикам, меткам-образам, составляющим неповторимый облик города, определяющим его избранность и роль, претендующую на текстовость в ряду других локальных городских ландшафтов, и, самое главное, обуславливающим характер подхода к изучению данного текста. Методология подхода к изучению городского текста определяется выстраиванием определенной модели анализа, где центральную роль играет выделение структурообразующих характеристик, признаков, составляющих уникальный портрет провинциального города Якутска и определяющих его исключительную статуальность в ряду других городских ландшафтов.

Ткань якутского городского текста образуется из следующих художественных элементов, создающих основу северной ментальности: город, центр, река, острог, улицы, снег, лед, холод, туман, дорога, край, даль, грех, смерть, свобода, бесконечность, вечность и т. д. – которые, детерминируя процесс порождения текста, активно участвуют в процессе формирования особого пространства города Якутска.

Исследование якутского городского текста предполагает изучение следующих составляющих:

- хронотопической системы города, а также прилегающих образов пространства (аласный хронотоп, лиминальный хронотоп, мифологический хронотоп и т. д.);
- топологических реалий (улицы, дома, Кружало, рынки, игровые дома, автовокзал, парк, университет и др.);
- системы лейтмотивов, аккумулирующих в единое смысловое целое городской текст Якутска (мотивы пути, поиска, инициации, трансформации «Я» героя, смерти и др.);
- системы архетипов (река Лена, Зеленый луг, Чочур Мыраан, озеро Сайсары, башня Тыгына и др.);
- образа героя (купец, городщик, городские девушки, богачи, меценаты, арестанты, узники и др.).

Структура художественной модели «города на костях»

Исследовательский интерес к якутскому городскому тексту определяет цель данной статьи – анализ репрезентации концептов смерти и края, апокалиптических мотивов, разбор их функциональной роли, ставших, как нам кажется, ключевыми для якутского городского текста и формирующими один из интересных аспектов в якутской прозе XX в. – геопоэтическую модель «города на костях».

Апокалиптические прогнозы, касающиеся будущего города, неизменно рассматриваются в связи с описаниями больших катаклизмов (пожаров, наводнений, голода, захвата врагов, эпидемии и пр.). В истории человечества известны многие города, столкнувшиеся со страшными бедами и катаклизмами (Троя, Рим, Помпеи, Хиросима, Молога, Припять, заброшенные военные городки и др.), в судьбах которых в какой-то мере можно увидеть параллель с библейскими Содомом и Гоморрой. Обречение на смерть как злой рок, постоянно витающий над городом, может быть применено к судьбам многих древних городов (вспомним выражение «Карфаген должен пасть»). Тема гибели человечества от природных катаклизмов (холода, извержения вулкана, эпидемий), вторжения инопланетных сил или техногенных катастроф, успешно становящаяся кинематографическим материалом разных жанров, адаптируется обычно именно к апокалиптической судьбе больших мегаполисов.

В дополнение к всемирно известным судьбам городов-призраков можно упомянуть печально известную историю забытого в глубокой якутской тайге мертвого города Зашиверска, уничтоженного оспой, в участии которого прослеживаются многие апокалиптические мотивы (предзнаменование, греховность жителей, разлука влюбленных, смерть, страшный суд, забвение и т. д.).

Якутск, расположенный на периферии, воспринимается как самый северный, самый «холодный город», «ледяной город», «город-призрак», «город в тумане», «город во мгле»,

«мертвый город» и пр. И в этом плане достаточно интересным объектом для современных исследователей является образ Якутска как один из крупных и старых городов Сибири, стоящий на вечной мерзлоте, который издавна ассоциировался с географической далью, темнотой и физическим холодом. Закрепление за якутским краем статуса страны каторги, тюрем, лагерей с конца XVI в. только способствует утверждению образа темного и мрачного самого северного города. Вообще надо отметить, что Сибирь, расположенная «на краю» культурного пространства, всегда характеризовалась как страна мертвых. Как отметил В. И. Тюпа, «Хронотопический образ Сибири в русской классической литературе представляет ее страной холода – зимы – ночи (луны), т. е. смерти в мифологическом ее понимании» [5, с. 255]. В рецепцию концепта обреченности и смерти включается Оймяконская трасса, известная как «дорога на костях», семантически близкая к образу нижнего мира, путь к которому также устлан человеческими костями.

Город у реки Лены с самого его основания связан с мифом о потопе (известно, что место основания города переносилось три раза, т. к. каждый раз город затапливало рекой), и потому отсылающий к борьбе со стихией (рекой, холодом, жарой) мотив конца (края, обреченности) становится главным лейтмотивом в создании культурного портрета Якутска. Постоянными элементами городского ландшафта, помимо этого, становятся туман и мгла (тьма), покрывающие Якутск почти полгода и наполняющиеся экзистенциональной нагрузкой при оформлении образа человека в городе, всегда стремящегося в поисках себя выйти из объятий мглы.

Уровень мрачности и странности данного топографического пространства усиливает также восприятие Якутска как города «на костях», строящегося на нескольких кладбищах и погостах. Известно, что территория современного города стоит на десяти городских кладбищах (Спасской некрополи, Никольской некрополи, Богородицкой некрополи, Еврейского кладбища, Мусульманского кладбища, кладбища «Мучин Крест») и погостов (погостов у Троицкого Собора, у Предтеченской церкви, у Преображенской церкви, у Тихвинской церкви). О том, что на месте старых кладбищ и церковных погостов с течением времени строились площади, улицы, возводились дома, разраставшиеся в целые кварталы, писал П. П. Петров [6, с. 19-21]. К примеру, на месте кладбища, заброшенного и снесенного, находившегося приблизительно на перекрестке улиц Дзержинского и Лермонтова, в 50-60-ые гг. XX в. были построены многоэтажные дома. Также известно, что целый квартал, стоящий на улицах Тургенева, Октябрьской, Лермонтова, включая территорию нынешнего городского парка, стоит над захоронениями.

Возведение многоэтажных домов буквально на костях (на старых кладбищах, могилах известных людей) становится олицетворением внутренней противоречивости человеческой природы, обеспечивающей многоплановость в его возможностях адаптации к окружающему миру.

Многочисленные трагические судьбы и истории, связанные с ними, перешедшие по истечении времени в статус городских легенд, укрепляют имидж Якутска в качестве города, укутанного тайнами, усиливая уровень мрачности и загадочности. К примеру, в народе долгое время ходили слухи о том, что могила классика якутской литературы, талантливого писателя Н. Д. Неустроева находится прямо под крыльцом магазина у Никольской церкви. Горожанам известна также легенда, по которой над местом, где, возможно, захоронена Анна Бестужева, статс-дама Екатерины I, приговоренная за возможный заговор к урезанию языка и вечному поселению в Сибирь, пролегает автомобильная трасса. Известны случаи, когда историко-культурные памятники, в т. ч. могилы (арангасы) почитаемых в народе людей, уничтожались во время строительства дорог и закладывания труб. История Троицкого Собора, ставшего в советское время якутским клубом, впоследствии Театром эстрады, также представляет двойственную суть промежуточного пространства города, где смерть и жизнь, тьма и свет, слезы и

смех как конфликтующие и в то же время взаимодополняющие друг друга бинарные оппозиции подчеркивают бренность бытия и абсурдность человеческой жизни.

Образы апокалиптического города в якутской прозе

В художественной литературе наиболее близко к воплощению апокалиптического мотива «конца», «страшного суда» стоят образы тюрьмы, психиатрической больницы, игорных домов, публичных домов, кабаков, ночных клубов, кладбищ, крематориев и т. д., всегда территориально связанных с городским пространством. Реализация данных топосов как инвариантных образов железного города встречается довольно часто в литературных произведениях XX в. Начиная с описаний сибирских каторг, образ «тюрьмы без решеток» закономерно закрепляется за Сибирью и составляет одну из больших проблемно-тематических областей русской литературы. Концентрационные лагеря как города-призраки прочно вошли в ряд топологической символики (Ф. Достоевский, В. Шаламов, А. Солженицын, А. Синявский, Е. Гинзбург, Э. Кочергин и др.), став воплощением экзистенциального зла.

Включение якутскими исследователями городских образов в перспективу художественного текста почти всегда применяется в аналогии с мотивом экзистенциального перехода образа героя в пограничное состояние (Ж. В. Бурцева, М. А. Кириллина, А. Н. Мыреева, В. Б. Огорокова и др.) [7-10].

Смыслообразующая роль закрытого топоса реализуется из народных представлений о тюрьме как о подземелье (землянки, клетки, пропасти, ямы, могилы) и актуализируется в литературе в качестве места смерти/временной смерти. Параллель с мифологической страной мертвых или нижним миром абаасы в культуре саха можно отметить и в ряде произведений якутских писателей, где тюрьма может быть интерпретирована в качестве дьявольского мира.

Еще в романе «Сааскы кэм» (Весенняя пора, 1944) Н. Е. Мординова-Амма Аччыгыйа одними из первых в якутской прозе были намечены специфические признаки, свойства, характерные для темной, негативной стороны городской жизни. Городской ландшафт в первую очередь ассоциируется с понятием хаоса, который выражается в таких топографических характеристиках, как «аат дойдута» (ад), «ыыспа куорат» (трусоба), «сүпсүлгэн» (суматоха), «куугун-хаабын» (шум-гам), «күөрэ-ланкы» (бардак), «үллэннэс» (бардак).

В романах «Хара кыталык» (Черный стерх, 1978-1982-1988), «Иэйэхсити кэлэтии» (Богиня милосердия, 1993), «Үһүс харах» (Третий глаз, 1999), «Манчаары» (2001) И. М. Гоголева-Кындыла нижний мир (мир абаасы) существует в романном хронотопе в качестве страшного города и в большинстве случаев реализуется посредством архетипов психиатрической больницы, тюрьмы. Психиатрическая больница, представленная как символ государства, управляемого деспотом-руководителем, является одной из основных геотопических реалий романа «Богиня милосердия». Главным героем она определяется как «дом печали» по аналогии с «мертвыми домами» Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, М. А. Булгакова, «палатой №6» А. П. Чехова и др.

Описание Охотской тюрьмы, куда был выслан Манчаары, дается писателем особо эмоционально, красочно. В тексте достаточно много упоминаний о железных дверях, цепях, кандалах, нарах, решетках – основных атрибутах дьявольского нижнего мира. Даже сторож этого злополучного места является бывшим кузнецом, мастером железа.

Дом инвалидов и дом сумасшедших, где находят последнее пристанище обездоленные, отвергнутые «здоровым» обществом больные люди, превращаются в метафору всего общественного устройства. Замкнутое пространство усиливает ощущение ограниченности человеческой жизни, разума, души и может быть интерпретировано как «пещера», «могила», вхождение в него на разных уровнях символизирует «смерть», а выход определяется как преодоление отчужденности от мира, от окружающих людей, воскрешение, перерождение.

Якутск как экзистенциальная грань

В некоторых произведениях якутской литературы город представляется в качестве страшной чужой периферии, находящейся за гранью (границей). Функцию рубежа реализует образ реки Лена, территориально делящей пространство центральной Якутии точно поровну: на восточную (илин энэр) и западную (арѣаа энэр) части. Расположенный на западной стороне долины Туймаада, у берега могущественной Лены, город Якутск постоянно находится на краю экзистенциальной бездны, которая наиболее явственно ощущается при пересечении «аласным» человеком черты своей родной среды. При вступлении в чужое для него городское пространство человек в полной степени испытывает разрушающее влияние глобализации. Якутск как портал, открывающий для человека светлые и темные стороны жизни, становится олицетворением двойственности мира и получает наиболее яркое воплощение при отражении духовного кризиса общества в контексте промежуточности – ментального порога.

Непоследовательно складывающаяся в единую схему карта дореволюционного Якутска раскрывается в облике «страшного мира» для вступающего в его территорию человека в романе В. С. Соловьева-Болот Боотура «Уһуктуу» (Пробуждение, 1987). Вспомним путь Ийиччит Николая в Якутск, во время которого город предстал как пространство ирреальное, закрытый локус, где главный герой почувствовал ограничение во всех смысловых вариациях: это и ограничение человека в физическом пространстве, и отчуждение его нравственно-духовных потребностей.

Якутск для селянина становится пространством, состоящим из структур, алогически выстроенных, непонятных, чужих, чуждых. Локация города, реализованная из гомогенных понятий грязноты, убогости, узости, тесноты, серости, оппозиционирует природной географической реалии аласа (чистой, сверкающей, широкой, цветущей). В романе В. С. Соловьева-Болот Боотура как и в трилогии И. М. Гоголева также возникает прямая аналогия со страшным нижним миром из эпоса олонхо (барбатах балык минин курдук бадыа-бүдүө дойду). В отношении топоса города, который на сей раз выполняет функцию нижнего мира, употребляются такие качества пространства, как бесцветный, серый, тусклый, невыразительный, туманный, неясный, темный и пр.: «Оттон Улуу Туймаада унаар-манан килэрийэр киэн эйгэтэ былыттаах түүннү түүппэҕирбит халлаанна иитэ-саҕата көстүбэт, аам-даам дойду буолан көһүммэ», «Көҕөрбөтөх мастаах-оттоох, көстүбэтэх күннээх-ыйдаах, барбатах балык минин курдук бадыа-бүдүө дойду» – диэн оҕонньор олонхолоотобуна, үс үтүгэн түгэҕин манньк хоһуйар буолара. Онон дылаан дойду диэх курдук өй охсулунна» [11, с. 392].

Мир городского топоса создает активные ассоциации с чувством тревоги, безысходности, одиночества: запах нечистот, пыли, грязи, невымытых помещений; недружелюбное отношение городских жителей; образы картежников, пьяниц, бездомных людей; причудливые формы городских построек; тревожная ночь в гостинице, неразбериха в городе, связанная с бунтом политссыльных и т. д. пугает и отталкивает сельского жителя.

Перевернутость как способ мировидения становится определяющей в отношениях человека и города. В литературе периода 80-90-х гг. XX в., представленного прозой В. В. Яковлева, Н. А. Габышева, В. Н. Гаврильевой, Э. Д. Соколова, В. Н. Титова, Е. П. Неймохова, Н. А. Лугинова и др., Якутск выступает как место экзистенциального порога, в осмыслении которого усиливается художественная рецепция перевернутости.

Образы, оторванные из аласа, оказавшиеся в «перевернутом» мире города, начинают реализовывать нетипичную им поведенческую модель маргинальности, подразумевающей «неопределенность социального положения, утрату оснований четкого самоопределения и отсутствие социальной поддержки» [12, с. 78]. Исходя из этой социальной ситуации в прозе конца XX в. центральными становятся проблемы поиска места в окружающем мире, самоидентификации человека в сером механистическом ландшафте города, наполненном

обезличенными, поверхностными, циничными отношениями между людьми. Разрушение собственного «Я», характеризующееся изменениями в характере, поведенческих особенностях человека, склонностями к депрессивным, суицидальным типам поведения, находит своеобразное художественное оформление в произведениях писателей.

Якутск, меняющий свое лицо по мере смены социально-культурных эпох, из «счастливого Якутска» (дьоллоох Дьокуускай) 1950-80-х гг. трансформируется в город апокалиптический. Присущие старому Якутску пространственные образы по новому актуализируются в современном художественном ландшафте города. К примеру, один из образов-маркеров гео-ядра озеро Сайсары из сакрального «Саргылаах Сайсары» трансформируется в криминальный район Сайсар. Или «автовокзал» – одна из основных топологических реалий советского счастливого Якутска – в прозе 1990-ых гг. превращается в пристанище бомжей и алкоголиков.

В ряду пространственных образов одна из знаковых ролей отводится уличной топологии, представляющей беспорядочность и разнонаправленность (в виде многочисленных улочек, улиц, переулков, перекрестков, закоулков, обочин, тупиков). Эта бесконечная и хаотическая субстанция, почти всегда уводящая человека в неизвестность, имеет смыслообразующее значение в состоянии героя – уход в измерение «пустоты» (в никуда) в противоположность дому, неопределенность в жизни становятся генерирующими состояниями человека, для которого постоянным топологическим пространством оказывается улица.

Город представляется в качестве темного леса или лабиринта, увлекающего человека своими тесными грязными улочками в неизвестность, темноту или тупик: «Дьэкиим, куоракка маннай киирдэбин утаа, билбэт халын сийин ортотугар муна хаалбыт курдук, арыт илини-арбааны араарбат буола алаадыан хаалара. Хороспут хоруобуйалаах ампаар дьыэлэр үргүлдү бара турар дьапталба олбуордарыгар, соробор буор сыбахтаах балабаннар, хотоннор, эбэтэр сарайдар күрүөлэригэр-хаһааларыгар иннитэлээн, аһар үүтү-ааны булбакка тэнттик-мунтук хаамара. Арыт мунурданан хаалар холлорооннор, кыбычааннар устун баран төннөрө» [11, с. 220].

Перемещения персонажей улиц отличаются отсутствием определенной цели, в отличие от динамических характеристик «героя пути», стремление которого всегда наполнено смыслом. Семантика слов, определяющих уличных людей (уулусса киһитэ 'уличный человек', хаамаайы 'бродяга', кэридэх 'бродяга', атах балай киһи 'бездомный', устугас 'скитающийся') имеет негативный оттенок, акцентирующийся в первую очередь на характере их пути – неосознанном, безответственном, пустом и непонятном.

Город становится местом пограничным, куда стремятся люди, оказавшиеся в пороговой конфликтной ситуации (человек, не нашедший свое место в сельском социуме, якутском түөлбэ, становится постоянным персонажем, прикрепленным к городским реалиям – больницы, улицы, тюрьмы, гостиниц, трактиров, кабаков, домов терпимости и т. д.).

Поглощение городом людей, утрачивающих в городе свою индивидуальность и превращающихся в безликую человеческую массу, «уличных людей», становится одним из основных экзистенциальных проблем еще в произведениях первых писателей. Про Николая Дорогунова (повесть «Дойду оҕото Дорогуунап Ньюкулай» П. А. Ойунского) в основном топологически прикрепленного к городу, говорится, что он до некоторых пор являлся городским оборванцем, уличным нищеводом («Дьокуускай бардаатын баранааба, ыалын хоруоскаһыта, улууссатын илэчиискэтэ»). В данном случае ратифицируются перевернутые роли персонажа, дуальной сущности человека, раскрываемые преимущественно в рамках городской обстановки.

В романистике И. М. Гоголева-Кындыла выход на улицу аналогичен духовному кризису человека, который находится в состоянии поиска. Городская улица для Хобороос есть не просто место действия или фон, на котором всегда появляются странные персонажи, происходят непонятные события, это символ механического мира,

превращенного в случайный, непознаваемый хаос: «Для ее ограниченного сознания город представлялся в качестве некоего страшного места... Говорят, там даже и растений то нет, кругом песок да и только... Все покупается за деньги... И, говорят, когда выходишь на улицу, людей столько, сколько муравьев в муравейнике...» (пер. С. Н.) [13, с. 260].

Город как экзистенциальный порог становится местом контраста, подчеркивающим кризисные состояния мира и человека, где не могут быть в полной мере реализованы человеческие потребности, и потому он может восприниматься в качестве места экзистенциальной грани (края), где порождается множество проблемных ситуаций.

Погружаясь в пространство города, человек начинает подчиняться ее законам – динамика есть основное качество человека, пребывание которого на улице всегда должно быть наполнено смыслом: «Уулуссаҕа соботобун хайдах таах туруоххунуй, кэм тугу эмэ гыммыта буоллаххына сатанар» [14, с. 48]. При отсутствии четкой цели у человека он превращается в устугас (скитающийся), хаамаайы (бродяга). То есть улица как одна из значимых городских локаций подчиняет своей энергии все, что находится на ее территории.

Выход на улицы как способ отражения состояния героя в современной прозе становится определяющим в отношениях человека и города. В литературе конца XX в. Якутск выступает как место экзистенциального порога, и улица как основная топологическая единица начинает функционально преобладать над другими смыслами города. Среди оксюморонных образов, типичных для урбанистического топоса, выделяются «уличные» субъекты (уулусса киһитэ): празднующиеся, бродяги, жулики, картежники, воры, авантюристы и др. «темные» личности, прикрепленные к реалиям тюрем, барачников, вокзалов – которые становятся персонификацией современной жизненной реалии. Они исполняют зеркальные, характеризующиеся разрушением собственного «Я», функции, противоположные по отношению к аласным созидającym персонажам.

Стихией молодежной массы, без сомнения, обусловлено и такое типично городское явление, как повышенная социальная активность (влекущая общественные преобразования, волнения, перевороты), которое становится одним из знаковых отличительных признаков урбанистического мира 1990-х гг. периода разрухи и смуты. Вспомним, что радикальные изменения в мире начинаются именно с городских арен и площадей.

Для персонажей повести Е. П. Неймохова «Сайсары күүлгэ түбэлтэ» (Случай на озере Сайсары, 1988) город – это пространство временного пребывания: ряд временщиков-золотоискателей, мигрантов, приехавших в Якутск за «длинным рублем», пополняют безработная молодежь, студенты, также оказывающиеся в городском пространстве на короткий промежуток времени. «У продуктового магазина на улице Чехова столпились люди. Захар Захарович, краем глаза наблюдая за четырьмя-пятью молодыми людьми, стоящими у алкогольного ларька, прошел мимо. От них можно ожидать чего угодно...» (пер. – С. Н.) [15, с. 32].

Любопытно, что в литературе 1990-2000-х гг. восприятие образа студента претерпевает существенные изменения: студенты 1990-х гг. – это субъекты с другим нравственно-личностным укладом, иными ценностными установками в отличие от студентов 1950-60-х гг. Модель ролевого поведения студента предыдущих поколений, открытого, любознательного, дружелюбного, сменяется на полярные роли закрытого, сомневающегося, спорящего, агрессивного типа студента, образ которого далее сформирует типичное городское явление – толпу (столпотворение, массу, сброд и пр.), опасного тем, что толпа наполняет улицы беспокойством, недовольством, хаосом.

Человек улицы срашивается с улицей, растворяется в ней, исчезает, как это происходит с главным персонажем Е. П. Неймохова: «Люди, встречающиеся ему на пути, не обращают на него ни единого взгляда. Давыдову почудилось, что он превратился в невидимого человека, от его взгляда не ускользает ничего, он видит всех прохожих, а

его самого никто не может рассмотреть, он словно растворился среди этих домов и улиц» (пер. – С. Н.) [15, с. 109]. Как видно, уличная топология представлена в качестве места экзистенциального порога, ярко обнажающего душевное состояние современного человека.

В якутской литературе конца 90-х гг. XX в. темная (теневая) сущность города начинает выделяться особо явственно – на фоне активных трансформаций общественного сознания начинает формироваться новое состояние литературы. Противоположная сторона города и роль в нем мрачных субъектов урбанистической реальности (надзирателей, палачей, следователей, тюремщиков, заключенных), большей частью относящихся к ночной, малоизвестной стороне жизни города, можно проследить в атмосфере города-тюрьмы в повестях Г. И. Борисова «Из света во тьму» (1992), «За колючей проволокой» (1993), «Годы ссылки» (1994), романе-эссе В. С. Яковлева-Далана «Дьылбам миэнэ» («Судьба моя», 1994).

В отношении творчества В. С. Яковлева-Далана правомерно использование понятия перевернутости, через проекцию которого городской текст наполняется новым смысловым содержанием: от города света в романе «Друг, взойди на зеленые холмы» (1991) городская реальность трансформируется в город-тюрьму («Судьба моя», 1994). Перевернутость обуславливает раскрытие другой стороны реальности – изнаночной реальности Якутска.

В первом романе писателя город предстает в положительном аспекте как олицетворение новой светлой жизни, и помимо понятия центра включает ассоциативные ряды верха, неба, света: Сергелях, многоэтажные дома, студенчество, молодость, наука, свет, огни Якутска, просторы и пр. Город способствует реализации внутреннего потенциала героя романа, студента исторического отделения пединститута, молодого интеллектуала Ньургун Туласынова, активно «восходящего на высоты» жизни и «окрыленного» духом советского абсолютизма в городе света (молодости, радости, учебы) вместе со своими друзьями Уоланом Уйгуровым, Леной Соболевой, Евстафием Отчуновым, Колей Никитиным и др. Этой динамике героя способствует городская атмосфера – жизнь в студгородке Сергелях, университетские лекции профессора Кынтаярова, светлые просторы Якутска.

Мир перевернутый, казалось бы, реально невозможный, абсурдный, открывает свои двери перед главным героем романа студентом Василием Яковлевым 10 апреля 1952 г. Тюрьма как локус для отчуждения человека представляется пространством для вдохновленного студента пединститута чужим пространством, открывающим теневые стороны Якутска, и символизирует страшную, разрушающую сторону бытия.

Двойственность, проявляющаяся в устройстве политической системы страны, личной природы человека, обнажает темную сущность советской действительности. Фальшивые маски, воображаемые идолы, ложные лозунги становятся атрибутами того оставшегося за дверьми весеннего Якутска, широкие, светлые улицы которого на первый взгляд полны студентов, взбудораженных ученическими заботами и юношескими радостями.

Степень авторской рецепции образа города далекого 1952 г. имеет довольно четкие координаты: по мере углубления в текст меняется и трансформируется облик родного города, и постепенно проступают очертания неизвестного города-тюрьмы. Карта нынешнего города, состоящая из улиц, переулков, домов, различных зданий, предельно точно накладывается на карту города 50-х гг. XX в. Эти призрачные очертания города-тюрьмы, умело задекорированные в современном обличье города, изредка могут выпускать темных чудовищ – сквозь нынешние очертания города вновь проявляются черные фигуры, пугающие тени, знакомые контуры внутренней тюрьмы, не давая забыть о себе бывшему узнику [16, с. 256].

В романе В. С. Яковлева-Далана топология лабиринта непосредственно будет связана с узкими мрачными коридорами-лабиринтами внутренней тюрьмы на улице

Дзержинского, куда водили узников на ночные допросы, очные ставки, в карцер или на расстрел. Подземные коридоры-лабиринты внутренней тюрьмы ГПУ, ведущие в «никуда», в «темноту», где решались судьбы многих узников, символизируют катастрофичность и трагичность всей системы сталинской репрессии: «Кини камераларыттан быһа сороҕор сир аннынааҕы холлорооннорунан уборнайга, амбулаторияҕа, прогулка онорор сиргэ, карцерга, следователлэр кабинеттарыгар, ытар подвалларыгар илдьиэххэ сөп буолар эбит. Киниттэн сатаан куотар кыах суох буолара» [16, с. 25].

Заключение

Таким образом, можно заключить, что структура апокалиптического города в якутской прозе конца XX в. в достаточно четко сформирована. Характерные свойства урбанистического облика Якутска как «города на костях» типологически могут быть обозначены в таком виде:

- локации тюрьмы, психиатрической больницы, публичных домов, кабаков, ночных клубов и т. д., а также кладбищ, крематориев и т. д.;
- образы уличной топологии как основной составляющей «города-лабиринта» – улочек, улиц, переулков, перекрестков, проспекта, закоулков, обочин, тупиков;
- персонажи городского пространства: студенты, горожане, рабочие, безработные, бродяги, пьянчуги, хулиганы, проститутки и др.

Художественно-культурные элементы, состоящие из апокалиптических мотивов и образов, из которых логически складывается одна из ипостасей неповторимого культурного портрета Якутска как «города на костях», находящегося на краю (земли, вселенной, у бездны), органически аккумулируются в единый городской текст, который вполне может претендовать на самостоятельность своей специфичностью на фоне других локальных текстов. Организуясь вокруг смыслового ядра «город» данные оригинальные элементы, сотканые из генетических, материальных, историко-культурных, поэтических параметров, образуют уникальную автономную реальность города на Севере, в центре которого всегда находится идея человека как высшей ценности.

Л и т е р а т у р а

1. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. – 404 с.
2. Деткова Н. Ю. Малый провинциальный город как текст культуры // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 18 (156). Философия. Социология. Культурология. – Вып. 12. – С. 63-69.
3. Разумова И. А. «Как близко от Петербурга, но как далеко» (Петрозаводск в литературных и устных текстах XIX-XX вв.) // Русская провинция: миф – текст – реальность. – М.-СПб., 2000. – С. 324-334.
4. Милокова Е. В. Челябинск: окно в Азию или край обратной перспективы // Русская провинция: миф – текст – реальность. – М. – СПб., 2000. – С. 347-361.
5. Тюпа В. И. Анализ художественного текста: учебное пособие. – М.: Академия, 2009. – 336 с.
6. Петров П. П. Улицы и площади Якутска. – Якутск: Бичик, 2002. – 112 с.
7. Бурцева Ж. В. Русскоязычная литература Якутии: художественно-эстетические особенности пограничья. – Новосибирск: Наука, 2014. – 132 с.
8. Кириллина М. А. Якутская комедия: типология и жанровая динамика. – Новосибирск: Наука, 2014. – 116 с.
9. Мыреева А. Н. Якутский роман 70-90-х годов XX века. Традиции и новации. – Новосибирск: Наука, 2014. – 116 с.
10. Огорокова В. Б. Пути развития прозы в литературах народов Якутии: в 2 ч. – Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 2001. – Ч. 1. – 68 с.
11. Соловьев В. С.-Болот Боотур. Уһуктуу: роман. – Якутск: Якут. книж. изд-во, 1987. – 640 с.

12. Ильмухин В. Н. Городская сфера как фактор детерминации поведенческих практик: варианты социологической концептуализации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. – С. 87-97.
13. Гоголев И. М. Хара кыталык: роман. – Якутск: Як. Книж.изд-во, 1982. – 288 с.
14. Данилов С. П. Киһи биирдэ олорор: роман в 2 ч. – Якутск: Як. книж.изд-во, 1973. – 272 с.
15. Неймохов Е. П. Сайсары күөлгэ түбэлтэ: повесть. – Якутск: Бичик, 2001. – 152 с.
16. Яковлев В. С.-Далан. Дьылҕам миэнэ: роман. – Якутск: Бичик, 1994. – 448 с.

References

1. Abashev V. V. Perm' kak tekst. Perm' v russkoj kul'ture i literature HKH veka. – Perm': Izd-vo Permskogo universiteta, 2000. – 404 s.
2. Detkova N. Yu. Malyj provincial'nyj gorod kak tekst kul'tury // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 18 (156). Filosofiya. Sociologiya. Kul'turologiya. – Vyp. 12. – S. 63-69.
3. Razumova I. A. «Kak blizko ot Peterburga, no kak daleko» (Petrozovodsk v literaturnyh i ustnyh tekstah XIX-XX vv.) // Russkaya provinciia: mif – tekst – real'nost'. – M.-SPb., 2000. – S. 324-334.
4. Milyukova E. V. Chelyabinsk: okno v Aziyu ili kraj obratnoj perspektivy // Russkaya provinciia: mif – tekst – real'nost'. – M. – SPb., 2000. – S. 347-361.
5. Tyupa V. I. Analiz hudozhestvennogo teksta: uchebnoe posobie. – M.: Akademiya», 2009. – 336 s.
6. Petrov P. P. Ulicy i ploshchadi Yakutska. – Yakutsk: Bichik, 2002. – 112 s.
7. Burceva Zh. V. Russkoyazychnaya literatura Yakutii: hudozhestvenno-esteticheskie osobennosti pogranič'ya. – Novosibirsk: Nauka, 2014. – 132 s.
8. Kirillina M. A. Yakutskaya komediya: tipologiya i zhanrovaya dinamika. – Novosibirsk: Nauka, 2014. – 116 s.
9. Myreeva A. N. Yakutskij roman 70-90-h godov HKH veka. Tradicii i novacii. – Novosibirsk: Nauka, 2014. – 116 s.
10. Okorokova V. B. Puti razvitiya prozy v literaturah narodov Yakutii: v 2 ch. – Yakutsk: Izd-vo Yakut. un-ta, 2001. – Ch. 1. – 68 s.
11. Solov'ev V. S.-Bolot Bootur. Uhuktuu: roman. – Yakutsk: Yakut. knizh. izd-vo, 1987. – 640 s.
12. Il'muhin V. N. Gorodskaya sfera kak faktor determinacii povedencheskih praktik: varianty sociologicheskoi konceptualizacii // Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya. 2014. – S. 87-97.
13. Gogolev I. M. Hara kytalyk: roman. – Yakutsk: Yak. Knizh.izd-vo, 1982. – 288 s.
14. Danilov S. P. Kihi biirde oloror: roman v 2 ch. – Yakutsk: Yak. knizh.izd-vo, 1973. – 272 s.
15. Nejmohov E. P. Sajsary kыөлge тыбелте: povest'. – Yakutsk: Bichik, 2001. – 152 s.
16. Yakovlev V. S.-Dalan. D'ylҕam miene: roman. – Yakutsk: Bichik, 1994. – 448 с.

